

УДК 336.02

В.В. Глухов,*канд. экон. наук, доцент Дальневосточного федерального университета**(г. Владивосток)***В.А. Останин,***д-р экон. наук, профессор Дальневосточного федерального университета**(г. Владивосток)***Ю.В. Рожков,***д-р экон. наук, профессор**Хабаровской государственной академии экономики и права*

ОПОРТУНИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

This article reveals the process of globalization which has radically changed both national and international financial relationships that led to the formation of geo-finance. Debatable problems of geo-finance formation are considered. Opportunistic behavior of large countries and transnational corporations on geo-financial market is shown.

Keywords: *globalization, geo-economy, finance, geo-finance, geo-financial policy, opportunistic behavior.*

Справедливо считается, что процесс глобализации приводит к формированию нового пространственно-временного (экономического, политического, финансового, военного, информационного, образовательного, продовольственного и т.д.) ландшафта, охватывающего национальные экономики различных государств. Поэтому рассмотрение экономического содержания процесса становления геофинансов будет более продуктивным, если он будет осмысленно встроен в процессы более фундаментального уровня – глобализации всего мирового пространства-времени.

Если ранее при анализе национальных экономик в качестве целого принималось

само территориальное образование в качестве конкретного государства, то в глобализирующемся мире в качестве целого принимается уже вся органическая целостность мирового социально-экономического сообщества [18, 19]. Тем самым мы одновременно можем высказать в качестве теоретической предпосылки суждение о социализирующемся экономическом пространстве.

Причём это следует понимать как противоречиво реализующуюся тенденцию, противоположность которой составляют рудименты тенденций самостоятельности, независимости, самостийности. Здесь вполне уместна аналогия А. Смита, когда он с пафосом утверждал, что, выращивая сель-

скохозийственную культуру, фермер сам не осознавал того, что становился участником мировых товарных отношений.

Точно так же и сейчас нет достаточных аргументов для отрицания того непреложного факта, что продукты глобализации обнаруживают себя повсеместно и постоянно. Современный индивид – это формирующийся *universi populi holistic* (лат.) – человек целостного мироздания. Не случайно основоположник российской школы геоэкономики Э.Г. Кочетов ввёл в научный лексикон понятие «космологизация» и как концептуализацию этого феномена – понятие «гуманитарная космология», которые он считает базовыми теоретическими и методологическими основаниями новой антропокосмологической модели бытия [6].

Зарождение и усиление вышеуказанной тенденции уходит в прошлое, истоки которого следует искать в преимуществах социальной кооперации, позволяющей добиваться лучших результатов от преимуществ межличностного, межобщинного, межрегионального, межнационального или международного разделения труда. Поэтому не убедительны аргументы в пользу утверждений о том, что научно-производственную интернационализацию следует рассматривать в качестве фундаментального фактора глобализации, которая является необходимым этапом в общей цепи продвижения пространства-экономики к глобализирующемуся миру [16].

Это возражение следует отнести и к другим исследователям глубинных процессов глобализации, в том числе экономической, а также становления института глобальных финансов, или в интерпрета-

ции других авторов, которую мы поддерживаем, – геофинансов.

Утверждения исследователей о роли влияния отдельных факторов трудно отрицаются, они имеют право на существование в моделях становления глобализирующегося мира пространства-времени.

Однако наше возражение, скорее, лежит в области методологии понимания этого феномена. Сколько бы значимым ни представлялся тот или иной ресурс или фактор, он может обладать признаками необходимости. Но для того чтобы признать его в качестве признака необходимого и достаточного, существующей аргументации становится явно недостаточно. Такими не совсем теоретически выверенными суждениями становится некоторая совокупность факторов, которая тем не менее плохо связана с целостностью.

Сегодня среди и зарубежных, и отечественных учёных нет противников, отрицающих существование процессов глобализации [17, 29] и постглобализации [18, 19, 25, 27] и не признающих их мощное воздействие на мировую экономическую, включая финансовую, систему. Учёные спорят о деталях глобализации, но столь значимых, что в рамках такого масштабного объекта исследования любой элемент, деталь дискуссии выглядят непреодолимым методологическим камнем преткновения.

Одним из первых идеи глобализации раскрывал Теодор Левитт. Ещё в 1983 г., сравнив мультинациональные и глобальные корпорации, Т. Левитт отметил, что в сложившихся рыночных условиях побеждают корпорации глобальные, ибо они, в отличие от мультинациональных, дей-

ствуют в среде «resolute constancy» – «решительного постоянства», не приспособившая свои товары и услуги под конкретную страну. Глобальные корпорации имеют возможность вести бизнес так, словно весь мир и (или) его основные регионы являются единым целым [28].

Сегодня глобализация (глобалистика, мировая – международная, транснациональная, трансграничная и т.д. – экономика, геоэкономика, мир-экономика, мировизация и т.д.) признана закономерным явлением, направленным на интеграцию различных сторон социально-экономической жизни общества. Российскими учёными дано много определений глобализации. Так, Э.Г. Кочетов считает, что глобализация – «процесс воспроизводственной трансформации национальных экономик и их хозяйствующих структур, капитала, ценных бумаг, товаров, услуг, рабочей силы, при которой мировая экономика рассматривается не просто как сумма (совокупность) национальных экономик, финансовых, валютных, правовых, информационных систем, а как целостная, единая геоэкономическая (геофинансовая) популяция (пространство), функционирующая по своим законам» [7, с. 601]. Геоэкономика же в представлении этого автора является следующим:

- концептуальные воззрения, отражающие интерпретацию глобального мира через систему экономических атрибутов;

- вынесенная за национальные рамки система экономических атрибутов и экономических отношений, определяющих контур глобального экономического пространства, в котором разворачиваются мировые экономические процессы. Высту-

пает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур;

- политологическая система взглядов (концепция), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами, оперированием на геоэкономическом атласе мира (в том числе на его национальной части), включением национальных экономик и их хозяйствующих субъектов в мировые интернационализованные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового дохода на базе высоких геоэкономических технологий [24].

Глобализацию определяют так:

- это создание и развитие международных, мировых производительных сил, факторов производства, когда средства производства используются в международном пространстве [10];

- придание глобального (всемирного) характера процессу интернационализации хозяйственной жизни. Глобализацию рассматривают как высшую стадию (ступень, форму) интернационализации хозяйственной жизни и её сердцевину – научно-производственной интернационализации [17].

Даже столь беглый экскурс в теорию глобализации показывает её острую дискуссионность.

Для нашего изложения важно, что постепенное расширение глобализационных процессов привело к обновлению старых и возникновению новых форм финансовых отношений в результате увеличения объёмов перемещения капитала, товаров,

услуг, появлению и распространению новых видов финансовых инструментов, либерализации для иностранного капитала доступа на национальные финансовые рынки, образованию коллективных валют и др.

Между тем проблемы геофинансовых отношений тоже являются объектом дискуссии. Единственное различие в том, что здесь ожесточённость дискуссий не приобрела пока такого размаха, как в случаях с глобализацией и геоэкономикой. Да и учебников по геофинансам, в отличие от геоэкономики (В.А. Дергачёв, Э.А. Кочетов, И.П. Чёрная и др.), пока не создано, хотя некоторые авторы отмечают, что геофинансы уже постепенно оформляются в самостоятельную научную дисциплину, которая объясняет качественно новую природу современных финансов, истоки формирования, поведение мировых трансграничных потоков и имеет свою самостоятельную атрибутику, категоричный и понятийный аппарат [8].

Бруни Рочча Фульчери (Италия) связывает появление новой дисциплины – геофинансов с условиями ослабления государства и началом потери им суверенитета в области денег и финансов. Деньги и финансы, по его мнению, превратились в существующее само по себе стратегическое наступательное и оборонительное оружие, перестав быть просто областью столкновений между государствами-сообществами. Геофинансы политически интерпретируют различные финансовые решения и рассматривают взаимосвязь между зависимостью / мощностью политической и финансовой [22].

По мнению Ш. Голдфингера, геофинансы – это новое финансовое простран-

ство-время, игнорирующее законы географии и национальные границы, синтез мировых денег, информационных технологий и либерализация их законодательного регулирования [26].

Ю.В. Рожков, И.П. Чёрная полагают, что в структурном плане геофинансы представляют собой глобальную сеть традиционных и виртуальных, дематериализованных (дестафированных) финансовых рынков, функционирующих на них участников при организующей и ведущей роли интермедиаторов (посредников) [18].

Г.Н. Нурышев представляет геофинансы как вынесенную за национальные рамки систему финансовых атрибутов и денежных отношений (кредитно-финансовых, валютных, платёжных), которые определяют контур глобального геофинансового пространства [14].

С позиции сущностной характеристики геофинансы оцениваются О.А. Мировой и Е.М. Соколовой как важнейшая составная часть современной экономической реальности в пространственном отношении и как дуалистическое явление, обусловленное изменением структуры международных финансовых потоков и мировой системы финансов в целом [13].

Как видим, целостной теоретической картины, раскрывающей сущность геофинансов, пока наука не имеет. Это видно даже по спектру понятий, описывающих одно и то же явление: виртуальные (электронные, мобильные) финансы, геофинансы, глобальные финансы, инфофинансы, геоинфофинансы, киберфинансы, метафинансы, мировые финансы, фрактальные финансы и т.д. [1, 9, 11, 12, 20, 30].

Мы полагаем, что геофинансы в их

современном виде следует рассматривать как модифицированную форму, своего рода финансовый симулякр, в процессе использования которого частные интересы оппортунистов глобального финансового рынка пока возвышаются, доминируют над интересами мирового сообщества как некоторого целого. Только тогда, когда финансовое complete-целое [21] преодолет «детскую болезнь» становления, тогда уже будет научно некорректно употреблять термин «доминирование», так как в целом взаимодействие не может разъясняться категориями механического детерминизма.

Финансовая глобализация проявляется в либерализации мировой торговли, движения капитала, финансовых услуг, снижении жёсткости регулирования рынка финансовых акторов. Однако существенным обстоятельством является то, что укрепился институт мировой платёжной системы с признанной всем мировым финансово-экономическим сообществом мировых резервных валют, которые стали повсеместно выполнять функции мирового платёжного средства.

В качестве мирового платёжного средства принимаются главным образом доллар США и евро. Роль региональных валют сохраняется, однако их объём в финансовых трансграничных транзакциях становится незначительным. При этом общими тенденциями изменения сущности денег становятся их дестафация и виртуализация [5]. Это полностью имеет отношение к мировым платёжным средствам [2].

Потеря материального носителя мировыми платёжными средствами при доминирующей роли сильнейших акторов финансового глобального рынка позволяет

искусственно формировать спрос на эту ликвидность у всего остального мира. Федеральный резерв предоставляет кредиты при прямом или косвенном посредничестве правительства США, мировых финансовых институтов, например МВФ, Мирового банка, Международной финансовой корпорации, наконец коммерческие банки, инвестиционные фонды и прочие предоставляют под брендом бесчисленных программ так называемую «помощь» другим странам.

В результате происходит накопление уже реального долга страны заёмщика или национального государства. Эта неэквивалентность в сфере геофинансов представляет в настоящее время мощнейшую систему перераспределения богатства относительно мирными средствами и формами.

Однако если выплата долга правительства США в конечном счёте является проблемой населения этой страны, то, предоставляя в качестве кредита дестафированные платёжные средства, этот эмитент мировой ликвидности финансирует свои текущие расходы и капитальные вложения. Объективно существующим основанием этого финансового перераспределения становится поддержание экономическими и внеэкономическими формами постоянного спроса остального мира на это платёжное средство – доллар США.

Следует признать этот механизм в качестве ключевого побудительного мотива оппортунистической политики страны-доминанта в сфере мировой финансовой системы по отношению к остальному миру пространства-времени. К факторам, способствующим этому процессу, можно отнести:

– опосредование геофинансами возрастающей роли мировых природных ресурсов в условиях усиления конкуренции за их доступ и освоение;

– освоение новых финансовых технологий и инструментов на геофинансовом рынке;

– укрепление доминирующей валюты в качестве мирового платёжного средства и одновременной её дестафации;

– появление финансовых инструментов, которые непосредственно обеспечивают перемещение финансовых ресурсов, обходя при этом национальные ограничения, например, ADR (американские депозитарные расписки) и GDR (глобальные депозитарные расписки);

– возможность снижения бремени обслуживания госдолга США за счёт амортизации его посредством перманентного снижения покупательной способности мирового платёжного средства в результате инфляции;

– фактическое закрепление складывающегося порядка посредством международного финансового права, имеющего приоритеты над национальным финансовым правом;

– постепенная утрата государствами национального суверенитета;

– формирование предпосылок для разрешения накопленных финансовых противоречий посредством внеэкономических механизмов, например, военными конфликтами, в результате которых страна-дебитор будет стремиться списать собственные национальные долги и обесценить свою валюту;

– система современных геофинансов посредством международного финансового

права, фактического доминирования как в области мировой экономики, так и во внеэкономических сферах позволяет реально претендовать на перераспределение мирового дохода в своих частных интересах, который создаётся в границах всего глобального пространства-времени [15].

Процессы, произошедшие в политической, социально-экономической жизни многих государств в конце XX в., привели не столько к деформации национальных экономик, сколько к достраиванию наднациональных финансовых институтов. Если национальные финансовые институты были относительно замкнутыми, хотя и механистически объединёнными по различным политическим или иным причинам в соответствующие коалиции (альянсы, союзы и т.д.) и направленными в первую очередь на реализацию интересов стран, общая тенденция к преодолению национальной обособленности существовала как закономерность, а не случайность.

Любая система, если она претендует на осознание своей целостности или даже ограниченной самодостаточности, достраивает необходимые для дальнейшего своего саморазвития общественные институты. Целое, если оно было создано в предпосылках, создаёт все необходимые ему элементы, условия или институты в самом широком смысле этого термина. Кооперация, реализующая себя не только в ограниченном пространстве, например, домашнем хозяйстве, но и в границах мирового общественного хозяйства, способна реализовать себя как институт, который несёт положительные потенции.

Если считать такую тенденцию неким экономическим законом, то следует одно-

временно осознать те выгоды и ущербы, которые объективно сопутствуют продвижению страны в этом направлении. Полагаем, что методологические основы разрешения этого противоречия следует искать в общих фундаментальных положениях диалектической логики. Хотя последнее направление экономической и философской мысли пока игнорируется маститыми учёными, в том числе и лауреатами премий Нобеля в области экономики, но это недостаточный аргумент для его отрицания.

Надо принимать в качестве исходного положения тот факт, что любое формирующееся образование, если оно обнаружило устойчивые тенденции к существованию и развитию, будет стремиться к достраиванию своих структурных элементов, то есть имманентных ему институтов.

Положительные результаты кооперации могут проявлять себя не только в банальных случаях создания булавочных иголок (пример А. Смита), но и в процессе выстраивания мировых экономических взаимоотношений. В конечном счёте даже обычный коммерческий банк уже является реальным воплощением преимуществ финансовой кооперации его депозиторов и ссудополучателей.

Банки и иные финансовые посредники, перераспределяя платёжные средства, способны в рамках этого процесса реально увеличивать потенциал экономических систем. Здесь фактором приращения национального богатства становится не столько наличие таких посредников, сколько их способность появляться там, где в этих средствах нуждаются экономические субъекты. Потребностью рынка становится доступность активов, которая

может реализоваться через перемещение (перевод) платёжных средств с минимальными транзакционными издержками. Здесь получает доминирование не столько тот, кто обладает большими финансовыми ресурсами, а тот актер, который получает доступ к механизму перераспределения ресурсов посредством приватизации фактически мировых глобальных финансовых институтов. В данном случае можно провести некоторые аналогии с посреднической функцией коммерческих банков. Как бы ни были могущественными финансовые клиенты банка, однако он, объединяя эти ресурсы, получает неизмеримо большую финансовую мощь, чем реальные собственники финансовых ресурсов. Синергетически добавленная мощь многократно усиливает позиции этих глобальных финансовых посредников на мировых финансовых рынках. Власть, воля мировых финансовых игроков становится современным фактором присвоения продукта путём его перераспределения на финансовых рынках. Власть становится таким же фактором присвоения, как и капитал, земля, предпринимательские способности.

Реалии мировой экономики таковы, что перемещаемые в её рамках денежные ресурсы могут быть признаны национальными государствами наднациональными платёжными средствами. Экономические субъекты признают их в качестве резервной платёжной валюты при межнациональных расчётах. При этом национальные экономики могут проявлять себя в качестве субъекта чистого экспорта либо заёмщика этих мировых платёжных средств.

Становление современной геофинан-

совой системы неизбежно связано с формированием адекватной ей геофинансовой политики. Последняя предстаёт в виде системы финансовых отношений, имманентных ей финансовых инструментов, процедур, институтов, мер и приёмов воздействия геофинансовых акторов на глобальную геоэкономическую и геофинансовую ситуацию, направленную на достижение своих глобальных стратегических и тактических целей.

Эта системная целостность инструментов, механизмов, пронизанная отношениями целеполагания, базируется на господствующих в геопространстве-времени современных теоретических концепциях, теориях, традициях, доктринах, политических программах, формируя тем самым одновременно идеологическую платформу геофинансовой политики по отношению как к национальным участникам финансового рынка, так и к институту самого государства.

Можно утверждать, что этот процесс неизбежно приводит к перерождению его акторов из частей этого геоэкономического пространства-времени в соответствующие органы. Анализ экономического поведения основных акторов геофинансовой политики позволяет присущими ему методами выделить следующие основные геофинансовые субъекты, реализующие свою частную или публичную экономическую политику: национальные государства с его институтами (министерства, центральный банк, налоговые и таможенные службы и т.д.), транснациональные корпорации, международные финансовые институты, финансовые рынки и др.

В границах этого формирующегося

целого вырабатываются правила, или институты, поведения и взаимоотношений в экономическом пространстве. Эта финансовая политика должна рассматриваться в разрезе времени, пространства, приобретаемая формы кредитной, валютной, инвестиционной политики как по отношению к национальным образованиям, так и финансово-экономическим институтам, компаниям, банкам, инвестиционным фондам, включая, как показывает новейшая мировая финансовая и политическая история, и отдельных лиц.

Ситуация ухудшается тем, что процесс формирования геофинансов и реализации соответствующей политики институтами национального государства находится в зависимости от этого реально формирующегося целого – геофинансов. Поэтому для проведения приемлемой для всех единой финансовой и геоэкономической политики следует сформировать политико-экономический орган – конкретный институт объединённых государств. Надо придать ему функции органа этого уже стихийно формирующегося целого. Мир разбит на огромные части (ЕС и пр.), действуют структуры политических альянсов; части (группы стран) уже имеют общеполитические геоэкономические и геофинансовые интересы, которые затем должны модифицироваться и принять общемировую форму геополитических интересов.

Тем не менее для ещё несформированного органического целого характерным является то, что продолжают доминировать в этом геоэкономическом пространстве-времени частные интересы отдельных геофинансовых акторов. При этом возросшая за счёт синергетических

эффектов геофинансовая, геоэкономическая, геополитическая и геовоенная мощь начинает обслуживать частные интересы наиболее крупных игроков на этом геоэкономическом рынке. Отмеченное противоречие целого – геоэкономического пространства-времени – разрешается в пользу интересов наиболее мощных в экономическом, военном поле акторов. Интересы целого *de facto* подчинены, реализуются в интересах части. Примером может служить деятельность такого центра финансового регулирования, как G20, международных институтов «второго эшелона» – Совета по финансовой стабильности, МВФ, Всемирного банка, БМР, ОЭСР и др.

Чтобы обеспечить хотя бы внешнюю стабильность системы экономического, финансового подчинения в границах этого геофинансового поля, формируется система взглядов, концепций, теоретически оправдывающих складывающуюся в мировом пространстве-времени ситуацию, привлекая для этого всю модифицированную мощь псевдодемократии, защиты прав и свобод граждан во всём мире. Геофинансовый оппортунизм самых мощных игроков на этом экономическом пространстве-времени становится одной из современных форм перераспределения богатства в мире.

Активное влияние глобализации затронуло различные направления жизнедеятельности многих государств, явилось началом для изменения конфигурации мировой финансовой архитектуры, появления новых форм и субъектов экономических отношений, трансформации направлений и механизмов движения де-

нежных потоков, создания принципиально новой институциональной среды, отражающей влияние процессов интернационализации экономики.

В результате этих преобразований мировая финансовая система из набора в различной степени взаимодействующих между собой элементов стала постепенно превращаться в единую экономическую систему, в которой национальные экономики переходят к отношениям более высокого порядка и не могут регулироваться в границах отдельного государства.

Интернационализация национальных экономик усилила мобильность и доступность международных рынков капитала для собственников финансовых ресурсов, вследствие чего большинство государств было вынуждено перестраивать свои финансовые и налоговые системы в условиях формирующейся мировой финансовой архитектуры, функционирующей по совершенно новым экономическим законам.

Первыми практическую значимость изменения финансовой архитектуры осознали в США. Президент США Б. Клинтон, выступая в сентябре 1998 г. в Нью-Йоркском совете по внешним связям (New York's Council on Foreign Relations), назвал финансовый кризис 1997 – 1998 гг. крупнейшим мировым финансовым вызовом за последние полвека. Он призвал к адаптации международной финансовой архитектуры к XXI столетию [31].

Аналогичную позицию заняла Великобритания. Г. Браун, министр финансов этой страны, отмечал в 1998 г., что 50 лет политика регулирования, надзора и управления кризисами строилась без учёта принципов глобализации, ориентиру-

ясь лишь на независимость национальных экономик, имеющих отдельные национальные режимы с ограниченным и медленным движением капиталов. Он отмечал, что мир вошёл в эпоху взаимозависимых и мобильных рынков капитала, когда экономики отдельных стран уже не могут функционировать без массивных стремительных и иногда дестабилизирующих глобальных финансовых потоков. Здесь нужна новая финансовая архитектура и реформы на национальном и глобальном уровнях [23].

Изучение взаимосвязи денег и финансов, замещения и отождествления их друг с другом исследуется отечественными и зарубежными авторами, дополняет и расширяет границы экономической науки, что особенно актуально в условиях глобализации, и, как следствие этого, происходит создание новых межнациональных финансовых систем и финансовых инструментов. В частности, нами доказывалось, что произошла подмена иерархичности понятий «деньги» и «финансы», появились их новые формы и виды, которые ранее не использовались, так как в них не было необходимости и не были созданы соответствующие условия [3, 4].

Вместе с тем предлагаемые авторские трактовки новых видов финансов не означают коренного изменения функций этой экономической категории. Финансы по-прежнему осуществляют основные функции в границах их базового, родового понятия, выполняя основную задачу – создание целевых денежных фондов, перераспределение ресурсов на финансовых рынках, но теперь уже не в националь-

ном, а в общемировом масштабе.

В заключение отметим следующее. Расширение международных финансовых отношений, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

С одной стороны, глобализация позволяет (а в определённой степени заставляет) государствам интегрироваться в новое для них экономическое пространство и получить защитные механизмы от рисков неожиданных кризисов, используя специальные, хорошо апробированные финансовые инструменты.

С другой стороны, глобализация генерирует международную экономическую нестабильность, вызывая необходимость нахождения в постоянной готовности реагирования в случае возникновения мировых финансовых кризисов и применения мер для уменьшения их последствий для национальных экономик, которые стали более уязвимыми, частично утратив свой экономический суверенитет, и находятся в зависимости от политической воли более развитых стран.

Становление института глобальных финансов протекает в единстве и со становлением глобальной финансовой бюрократии. Последняя «приватизирует» уже всю глобальную финансовую систему, превращая её *de facto* в свою частную собственность.

Поэтому глобальная финансовая сфера, продолжая в настоящее время демонстрировать рудименты частной глобальной финансовой политики, позволяет мировой глобальной финансовой бюрократии реализовывать, проводить свою оппортунистическую политику.

Список использованных источников

1. Берёзкин Ю. М. Метафинансы : постановка проблемы // Программа 67-й ежегодной науч. конф. проф.-препод. состава и докторантов. Иркутск : БГУЭП, 2008. С. 14.
2. Вертейко К. В., Дроздовская Л. П., Останин В. А., Рожков Ю. В. Банк России : информационно-исследовательская функция и дискреционная денежно-кредитная политика : монография. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2013. 204 с. URL: http://vfirta.ru/apps/rta/add_files/files/monograph_ostaninBANK_2013.pdf
3. Глухов В. В., Останин В. А., Рожков Ю. В. О причинах возникновения и проблемах функционирования электронных денег // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1. Ч. 3. С. 664–667.
4. Глухов В. В., Останин В. А., Рожков Ю. В. Электронные финансы как новая экономическая категория // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 2. С. 293–298.
5. Дроздовская Л. П., Рожков Ю. В., Банковская сфера : механизм информационно-финансовой интермедиации : монография / под науч. ред. проф. Ю. В. Рожкова. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2013. С. 320 с. URL: <http://www.finecon.ru/yori/Posrednik.pdf>
6. Кочетов Э. Г. Космологизация. Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии. М. : Международные отношения, 2001. 912 с.
- 7 Кочетов Э. Г. Глобалистика. Теория, методология, практика : учебник для вузов. М. : НОРМА. 2002. 672 с.
8. Кочетов Э. А. Российская школа глобалистики и её геоэкономический отдел – выход на новые горизонты (мир с позиции человека нового, глобального – геоэкономического). URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID>
9. Лис Ф., Майер Л., Энг М. Мировые финансы / пер. с англ. М. : ДеКа, 1998. 768 с.
10. Ломакин В. К. Мировая экономика. - 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ. 2007. С. 123.
11. Мандельброт Б., Хадсон Р. Л. (Не)послушные рынки. Фрактальная революция в финансах / пер. с англ. М. : Вильямс, 2006. 408 с.
12. Миркин Я. М. Мировая финансовая система – 2013. URL: <http://www.eufn.ru/download/analytics/main/global-financial-system-2013.pdf>
13. Миронова О. А., Соколова Е. М. Современные тенденции развития мировой финансовой сферы // Финансовые исследования. 2000. № 1. URL: http://www.rsue.ru/Fin_issled/2000_N1/sovtend_fin.htm
14. Нурышев Г. Н. Теоретико-методологические основы геоэкономики. URL: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/451.pdf>
15. Останин В. А. Общая и частная экономическая политика государства : проблемы взаимоотношения и взаимообусловленности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 4. 2013. С. 23–27. URL: http://vfirta.ru/apps/rta/add_files/files/journal_2013-4.pdf
16. Паньков В. С. Глобализация экономики: сущность, проявления, вызовы и

возможности для России. Ярославль : Верхняя Волга, 2009. 368 с.

17. Паньков В. С. Глобализация экономики: сущность, реалии, виды на будущее // Международная экономика. 2009. № 6. С. 4–23.

18. Рожков Ю. В., Чёрная И. П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. С. 263–271. URL: http://www.fin-econ.ru/works/ryv_chip_geofinance.pdf

19. Рожков Ю. В. Чёрная И. П. Геофинансовые проблемы развития интеграционных процессов в условиях постглобализма // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (59). С. 34–42. URL: http://www.fin-econ.ru/works/r_ch_tp.pdf

20. Рожков Ю. В., Чёрная И. П. Геофинансовые инновации эпохи постглобализации // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2012. № 4–5. С. 17–24.

21. Телемтаев М. М. От разрозненных идей и знаний к целостной системе. Комплетика : от теории к существованию. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 312 с.

22. Фульчер Б. Р. Геоэкономический фактор в финансовых отношениях с зарубежными странами. Русский Архипелаг : [сайт]. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/factor>

23. Brown G. A New Global Financial Architecture // The Wall Street Journal Europe, 6. X. 1998. P. 10.

24. Civil. Гражданская восьмёрка : [сайт]. URL: <http://civilg8.ru/6837.php>

25. Cox R.W. Structural issues of global governance: implications for Europe //

Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Edited by St. Gill. York University, Toronto 1993. Pp. 259–289.

26. Goldfinger Ch. Innovation in Financial Services // Communications & Strategies, № 48, 4-th quarter 2002. Pp. 139–160.

27. Helleiner E. Post-globalization. Is the financial liberalization trend likely to be reversed? // States Against Markets: The Limits of Globalization. Edited by R. Boyer and D. Drache. Routledge, 1996. Pp. 193–210.

28. Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. № 61 (3). Pp. 92–102.

29. Marling W. Globalisms: Imaginary and Real. Review Essay // American Studies, Summer/Fall 2000. Pp. 321–332. URL: <http://williammarling.com/dox/globalisms.pdf>

30. Taylor A. M. Global Finance: Past and Present // Finance and Development. 2004. March. Pp. 28–31.

31. The Wall Street Journal Europe, 27. IV. 1999. P. 15.